С этими словами Бакуго протопал мимо Стрэнджа, не удостоив его даже мимолетным взглядом, и направился в класс, где собрались остальные ученики.

Киришима в замешательстве вскинул бровь: Бакуго явно раздражал этот человек, но это был другой вид раздражения, нежели тот, который он демонстрировал по отношению ко всем остальным. Со всеми остальными в классе, Бакуго пожурил бы их, как будто считал их ниже себя, но с этим Доктором Стрэнджем... как будто его раздражение проистекало из чего-то более глубокого, чем он готов был когда-либо поделиться, как будто это было что-то, что он хотел забыть. Бакуго знал еще до U.A., что этот человек тренирует Мидорию; что могло случиться, чтобы посеять такое напряжение между Бакуго и Мидорией и его учителем задолго до их приезда в U.A.?

"Говорите что хотите о его манерах", - усмехнулся Стрэндж, обращаясь к Бакуго, - "но если что и есть у этого парня, так это его честность".

"Да-да", - согласился Киришима с небольшой ухмылкой. "Доктор Стрэндж? Как именно мы спасли вам жизнь?"

"Вы с Бакуго бросились на злодеев из варп-врат в последнюю секунду, когда они напали на меня и Всемогущего", - сказал Стрэндж. "Они не ожидали вас, и хотя ваши атаки не попали в цель, ваше вмешательство заставило злодея с распадающимся квирком колебаться достаточно долго, чтобы изменить ситуацию. Он решил напасть на меня, но его небольшое колебание дало прибывшим героям достаточно времени, чтобы помешать ему наложить руки на мою персону". Стрэндж пронзительным взглядом окинул Киришиму, где тот стоял. "Ты и молодой Бакуго спасли мою жизнь, а значит, и жизнь Идзуку".

"Мидория!?" воскликнул Киришима. "Ты хочешь сказать... что я тоже помог спасти его жизнь!?"

"Действительно, помог", - подтвердил Стрэндж. Он сделал паузу, прежде чем продолжить: "Я думаю, Киришима, вы с Идзуку только выиграете, если будете держаться вместе. Столпы справедливости стоят тем прочнее, чем они крепче, когда стоят рядом".

Прошло несколько минут с начала обеденного перерыва, и Каминари был единственным учеником 1-A, все еще остававшимся в классе. Он не покидал своего места весь день, даже чтобы размяться между уроками. Он беспрестанно ерзал и ерзал на утренних уроках, события прошедшей недели слишком сильно отягощали его разум, чтобы он мог уделять хоть сколько-нибудь существенное внимание лекциям по грамматике, которые читал Презент Мик, или урокам других учителей.

Вся учебная неделя пошла под откос с момента Боевых испытаний, но даже он не ожидал, что спустя всего два дня после нападения на USJ все пойдет кувырком. Сначала Урарака, потом Джиро и Мидория... все они пострадали из-за его способностей, а если не из-за способностей, то просто... из-за его неумелости. Он не понимал, как Урарака или Мидория могли так легко простить его. Джиро казалась единственной разумной из всех троих, игнорируя его при любой

возможности, не разговаривая и даже не глядя в его сторону. Это была его вина, разве двое других не понимали этого? Это была его вина, и в его голове постоянно повторялись эти ужасные мысли и воспоминания, а он ничего не мог с этим поделать, потому что сам был виноват! Почему Мидория этого не понимал!?

"Может, мне стоит просто бросить курсы героев", - пробормотал про себя Каминари. "Как будто я смогу выделиться на спортивном фестивале..."

"Каминари?"

Блондин мотнул головой в сторону двери. В ней стоял Урарака и пристально смотрел на него. Каминари моргнул - он даже не слышал, как она открыла дверь и вернулась внутрь.

"Каминари, - снова заговорила Урарака, заложив руки за спину, - ты... чувствуешь себя плохо?"

Каминари на мгновение напрягся, а затем его плечи почти безвольно опустились. "Д-да", - нервно признался он. "Прошло всего два дня после USJ, а потом случилось то, что произошло во время нашего боевого испытания... Прости, наверное, я слишком явно показывал свое настроение..."

"Да, от тебя точно несет отчаянием", - бесстрастно сказал Урарака. "Но если честно... мне это нравится". Ее маленький розовый язычок высунулся изо рта и провел по губам, словно пробуя невиданную сладость. "Это... сладко..."

Каминари моргнул и посмотрел на нее, не уверенный, правильно ли он ее расслышал. Урарака говорила так беспечно и выглядела... не в своей тарелке. Там, где раньше было чувство соперническое агрессии, появилась неуверенность, а круглые глаза стали узкими и смотрели на него, как ястреб.

"О, простите!" Урарака поправила позу, поспешно рассмеявшись и взмахнув руками. "Плохо выразилась! Мне это нравится, потому что это означает, что я могу помочь тебе с этим, понимаешь? Разве это не мило?"

"Ты хочешь помочь?" спросила Каминари. "Все в порядке, пожалуйста, не чувствуй, что ты должна..."

"У меня есть кое-что, что поможет тебе", - с хитрой ухмылкой сказала Урарака. Она вскинула руку, и между ее пальцами вдруг оказалась темная карточка с золотыми буквами. Она медленно подошла к столу Каминари и положила ее перед ним.

Каминари наклонил голову, чтобы увидеть карту с высоты птичьего полета. Его глаза просканировали ряд за рядом элегантных золотых надписей, напечатанных на ней, прежде чем снова посмотреть на Урараку. "Приглашение в литературный клуб У.А.?" спросил Каминари.

"Правильно", - ответил Урарака с коварной улыбкой. "Тодороки попросил меня передать его тебе. Он тоже заметил твое отношение, Каминари. Мы все заметили, на самом деле".

Каминари прикрыл рот рукой и посмотрел на карточку. Это было от Тодороки? Он полагал, что вполне логично, что он, рекомендованный студент, будет завален приглашениями в клуб от других студентов, которые могли быть его поклонниками. Он чувствовал себя паршиво, что шикарное приглашение было потрачено на него впустую только потому, что он всем вокруг давал понять, насколько он несчастен.

"Я ценю это, Урарака, правда, но... разве это разумно?" - спросил он. "Я имею в виду, кружки после уроков, когда приближается спортивный фестиваль..."

"Эй, нет никакого давления!" ответил Урарака. "Мы просто предлагаем это, потому что хотим, чтобы ты чувствовал себя лучше, Каминари! Но если ты действительно не хочешь выздоравливать..." Урарака скользнул за спину Каминари. "Ты всегда можешь просто... уйти".

Она протянула руки к его плечам, чувственно потирая их. Каминари почти сразу же закрыл рот рукой, отплевываясь и отплевываясь, когда каждая йота стыда и вины, которые он испытывал после U.A., начала насильственно проходить по его венам и синапсам.

"Нет ничего постыдного в том, чтобы бросить, Каминари..." Урарака наклонилась и прошептала ему прямо в ухо. Ее руки спустились с его плеч на руки, задрали рукава его униформы, а ее пальцы начали прослеживать длину его плечевой артерии. "Не чувствуй, что ты должен оставаться на курсе героев..."

Каминари зажмурил глаза, преследующие его воспоминания о последней неделе неконтролируемо пронеслись в его голове.

"Не думай, что ты не должен просто покончить с этим, - шипела она, - и поддаться этому сладкому, сладкому отчаянию..."

"Каминари!"

http://tl.rulate.ru/book/55592/1523822